

Верховной Рады Украины (ВВР), 1992, № 49, ст. 668.

3. Справочная книга по охране труда в машиностроении. Г.В. Бектобеков, Н.Н. Борисова, В.И. Коротков и др.; Под общ. Ред. О.Н. Русака – П.: Машиностроение. Ленинградское отделение. 1989. – С.6.

4. Корнеев Ю.В. Адміністративно-правове забезпечення особистої безпеки працівників податкової міліції: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.07 / Юрій Валентинович Корнеев. – Ірпінь., 2002. – 205 с.

5. Синьов О.В. Адміністративна відповідальність за правопорушення, що посягають на права і свободи громадян : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.07 / Олександр Володимирович Синьов. – Х., 2001. – 235 с.

6. Скакун О.Ф. Теорія держави і права: Підручник / Пер. з рос. – Харків: Консум, 2001. – 656 с.

7. Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – М.: Юрист, 1999. – 672 с.

8. Комаров С.А. Общая теория государства и права: Учебник. – М.: Юрайт, 1998. – 416 с.

9. Черданцев А.Ф. Теория государства и права: Учебник для вузов. – М.: Юрайт, 1999. – С. 350.

10. Луць Л.А. Сучасні правові системи світу. Навчальний посібник – Львів: юридичний факультет Львівського національного університету імені Івана Франка, 2003. – с. 256.

11. Рабінович П.М. Основи загальної теорії права та держави: Навч. посібник. Вид. 6-е – Х.: Консум, 2002. – 160 с.

12. Волинка К.Г. Теорія держави і права: Навч. посіб. – К.: МАУП, 2003. – 240 с.

ПРИЗОНИЗАЦИЯ КАК КРИМИНОГЕННЫЙ ФАКТОР: ПОНЯТИЕ И ПРИРОДА

Дмитрий ПЕРЕПЕЛИЦА,

соискатель кафедры уголовно-правовых дисциплин
факультета права и массовых коммуникаций
Харьковского национального университета внутренних дел

Summary

The article is devoted to consideration of issues in understanding the notion «prisoning» within modern criminology. The author's point of view on the essence of prisoning phenomenon and its criminogenic role is formed.

In the narrow understanding prisoning is a process and result of social and psychological adaptation of a person, suffering punishment in the form of imprisonment, being kept in custody to the complex of regime, everyday, psychological terms of isolation, to violence and norms of criminal subculture. In the wide understanding prisoning is defined as the mass, institutional, social phenomenon that is expressed in penitentiary and postpenitentiary criminogenic and criminal practices of convicts to imprisonment, prisoners, released.

Key words: prisoning, adaptation, criminal subculture, criminality, criminal's personality.

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению проблемных вопросов в понимании понятия «призонизация» в современной криминологии. Сформировано авторское видение сущности явления и феномена призонизации, а также её криминогенного значения. В узком понимании призонизация видится как процесс и результат социально-психологической адаптации лица, отбывающего наказание в виде лишения свободы, пребывающего в заключении под стражей к комплексу режимных, бытовых, психологических условий изоляции, а также насилия и норм криминальной субкультуры. В широком понимании призонизация определена как массовый, институциональный, социальный феномен, который выражается в пенитенциарных и постпенитенциарных криминогенных и криминальных практиках осуждённых к лишению свободы, заключённых, освобождённых.

Ключевые слова: призонизация, адаптация, криминальная субкультура, преступность, личность преступника.

Постановка проблемы. Проблема криминализации общества на сегодняшний день тревожит не только украинскую общественность, но и все мировое сообщество. Проникновение преступности во все сферы социальных взаимодействий, институционализация значительного количества преступных практик привело к признанию криминальной угрозы одной из наиболее серьезных угроз цивилизованному существованию человечества. Устойчивое воспроизводство и интенсификация динамики преступных форм поведения происходит не в последнюю очередь из-за несовершенных механизмов реагирования государства на преступность, что выдвигает на повестку дня вопрос о необходимости научной ревизии многих аспектов криминально-превентивной практики.

Актуальность. В числе прочих криминогенных недостатков функционирования системы противодействия преступности является связь правовых, организационно-управленческих

факторов в сфере деятельности органов и учреждений исполнения наказаний, а также органов социального патронажа, реинтеграции лиц, которые отбывают или отбыли наказание в виде лишения свободы с процессами профессионализации личности преступника, укреплением традиционных элементов криминальной субкультуры, её проникновения в массовую культуру, рецидивом преступлений и т. п. Вместе с тем остаются малоисследованными содержательные характеристики этих недостатков, а также механизмы социальной дезорганизации, психологического отчуждения и стигматизации осужденных, восприятия ими криминально-субкультурной нормативно-ценностной системы, встраивание её элементов в подструктуру личностных диспозиций, углубление и разветвление антиобщественных установок. Комплекс указанных явлений в криминологической науке традиционно описывается термином «призонизация». Исследованием последнего занима-

лись такие учёные, как Ю. М. Антонян, Я. И. Гишинский, С. К. Гогель, О. Б. Демкив, Т. А. Денисова, В. Н. Дрёмин, А. Г. Колб, В. М. Трубников и ряд других. Однако до сих пор не выработано однозначное понимание психологической сущности призрачности, её понятия и криминогенного значения на уровне единичного преступного поведения и преступности в целом, что и обуславливает актуальность темы статьи.

Цель статьи заключается в формировании понятия и выяснении природы призрачности как криминогенного фактора.

Изложение основного материала. Низкая социальная эффективность и, даже, вредность, опасность функционирования тюремной системы для самого общества начала тревожить ученых и практиков еще в первой половине XX века. Так, в частности, С. К. Гогель в 1905 году замечал, что «в тюрьме разочаровались все и окончательно: и законодатели, и судьи, и криминалисты, и тюремоведы» [1, с. 84]. Детализируя эту мысль, М. С. Тимошев в 1914 году указывал на деклассацию заключённых во время отбывания наказания, влекущую за собой невозможность их реинтеграции с социальной средой после освобождения, что является главной причиной рецидива [2, с. 320-321]. А в 1925 году в своем хрестоматийном труде «В тюрьме. Очерки тюремной психологии» М. Н. Гернет высказал уверенность в том, что тюрьма является не местом исправления преступников, а местом их криминальной профессионализации [3, с. 112].

Исследовалась указанная проблематика в контексте особенностей самодетерминации преступности в тюремных сообществах и в известных социологических и криминологических трудах А. Козна, Р. Мертона, Т. Селлина. В частности, учёными была выявлена и обоснована связь между преступностью и степенью институционализированности тюремных сообществ, которые привносили свои традиции, обычаи в доминантную культуру, диссонировав с официальными предписаниями и, в то же время, выполняя определенные социальные функции. Логическим следствием развития этого направления научного поиска стало оформление в пределах социологии такой ее отрасли, как социология наказаний (пенитенци-

арная социология), наиболее весомый вклад в становление которой внесли представители американской социологической школы – Д. Ирвин, Дж. Кассебаум, Д. Клеммер, Р. Морган, Г. Сайкс, Д. Уорд, а также европейского новейшего течения социальной философии – А. Лефевр, Е. Гидденс, М. Фуко и некоторые другие. Квинтэссенцией их разработок в сфере проблематики нашего исследования является идея о стигматизации осужденных под воздействием территориально, режимно и деятельностно обозначенных факторов пенитенциарного и постпенитенциарного контроля, а также о гуманистическом отрицании правомерного насилия как принципе социального контроля.

Норвежский криминолог Т. Матисен в 1974 году в труде «Политика аболиционизма: руководство к действию» на основании проработки большого массива статистической информации относительно результатов деятельности пенитенциарных систем многих стран мира доказал сохранение стабильно высокого уровня рецидива и неэффективность мер специальной превенции. Выявленное и описанное ученым состояние дел в сфере выполнения наказаний он охарактеризовал как «кризис наказаний», который приводит к эскалации криминальных проявлений [4, с. 59].

Современные исследователи проблем криминологической эффективности наказаний в целом поддерживают устоявшееся мнение, концентрированно выраженное в вышеприведенных рассуждениях. В частности, в научных трудах отмечается, что тенденция к неоправданно широкому применению лишения свободы приводит к переполнению мест заключения, значительным человеческим и финансовым расходам на их содержание, существенно усложняет процесс исправления осужденных и возможности их дальнейшей адаптации в обществе после освобождения. Достижение цели ресоциализации личности становится, по существу, нереальным. Практика свидетельствует, что преступника крайне трудно ресоциализировать, оторвав от окружающей среды. Напротив, в период пребывания в местах лишения свободы он по большей части десоциализируется [5, с. 26-27].

Поэтому обоснованным кажется и мнение многочисленных криминоло-

гов, специалистов в отрасли уголовно-исполнительного права о том, что наказание в виде лишения свободы на данный момент практически не выполняет социально полезных функций, кроме временной изоляции преступника от общества, а сами осужденные превращаются в жертв телесных и душевных мучений [6, с. 154; 5, с. 28-29; 7, с. 154 и др.]. Также в литературе акцентируется внимание и на описании устойчивых психологических состояний заключённых: им свойственна тревожность, ощущение страха, недоверчивость, подозрительность, возбудимость, раздражительность, агрессивность, эмоциональная неустойчивость и т. п.

В. Н. Дрёмин, анализируя призрачность как фактор институционализации карательных практик, отмечает, что анализ судебной статистики в Украине обнаруживает тенденции постепенного формирования широкой криминальной среды, основу которой составляют лица, осужденные к лишению свободы, рецидивисты и участники организованных преступных группировок. Именно эти категории преступников формируют особую культуру, которая получила название «криминальной» или «тюремной» субкультуры [8, с. 454].

Действительно, все вышеприведённые обстоятельства наглядно удостоверяют проблемные аспекты криминологической эффективности применения лишения свободы как разновидности наказаний, его места и роли в реализации стратегий противодействия преступности и в наиболее обобщенных контурах описывают общественно вредные, опасные последствия тюремного заключения. Совокупность указанных проявлений в науке принято характеризовать термином «призрачность». Однако относительно его конкретного содержания, пределов до сих пор не сформировано единое виденье.

Так, Я. И. Гишинский, хотя и верно, однако, достаточно абстрактно очерчивает указанное явление, отмечая, что «направляя в тюрьмы все больше и больше людей, мы же все равно рано или поздно получаем их «назад» – с их нравом, языком, образом жизни. Но тогда и с обществом происходит то, что зарубежная криминология окрестила «призрачностью» («отюрмливанием», от англ. prison – тюрьма) повседневно-

го быта, культуры, языка. Тюрьма давно вошла в нашу жизнь, нашу культуру, своей «блатной» частью [9, с. 435-436]. Похожее мнение выражает и В. Н. Дрёмин, идентифицируя призонизацию с распространением традиций и культуры криминальной среды: «Призонизация является, по существу, одним из механизмов формирования тюрьмы как особого института» [8, с. 454]. Идея призонизации, исходя из приведенных позиций ученых, является в целом понятной. Однако открытым остается вопрос относительно четкой дефиниции, которая необходима для оперирования в научном исследовании.

О. Б. Демкив и М. З. Федевич, ведя речь о призонизации массового сознания, определяют проблемный термин как экстраполяцию тюремной субкультуры, ее выход за пределы ареала конституирования и органического функционирования [6, с. 155]. То есть, содержание призонизации, по мнению ученых, сводится к определенному процессу, который выражается в распространении применения элементов криминальной субкультуры вне мест лишения свободы, в том числе и среди лиц, которые не причастны к преступной среде и не отбывали наказания в виде лишения свободы, в частности работников судебных и правоохранительных органов, пенитенциарной системы, а также воспроизводства их в средствах массовой коммуникации. Пределы же призонизации очерчиваются исключительно на психическом уровне – составляющими сознания. В целом приведенное понимание следует признать обоснованным, однако, несколько суженным, что предопределено предметом научной (социологической) разведки О. Б. Демкива и М. З. Федевича – призонизацией именно массового сознания. Поэтому для целого криминологического исследования оно оказывается ограниченным.

И. В. Цемка под призонизацией предлагает понимать негативную социализацию осужденных, которая проходит в заключении средствами тюремной субкультуры во всех ее негативных аспектах и усиливается личностью, проявляясь в принятии взглядов, морали, обычаев и основной культуры пенитенциарного учреждения. Лицо, помещенное в такое учреждение, воспринимает взгляды заключенных на тюрьму

и на жизнь за пределами тюрьмы, и у него развивается чувство враждебности к тюремному персоналу, лояльности по отношению к другим осужденным, поддержания их интересов, которое приводит к конфликту с администрацией. В свою очередь, процесс призонизации охватывает и тюремную администрацию [10]. Подобное толкование призонизации находим и в известном труде Д. Клеммера «Тюремное сообщество» (1940): «Призонизация – процесс социализации заключенного, который состоит в его вступлении в тюремное сообщество, усвоении его культуры, в результате чего происходят изменения в его характере» [11, с. 298-299]. Длительность этого процесса, по Д. Клеммеру, зависит от характера и широты связей с лицами вне мест лишения свободы (родственниками, друзьями, коллегами и т. п.), вида совершенного преступления и других факторов. Этот процесс позволяет заключенному оперативно приспособиться к тюремным правилам, что влечёт за собой уменьшение количества нарушений установленного порядка.

Приблизительно в таких же категориях определяет призонизацию и К. Бартол, описывая это явление как «встраивание» в тюремную жизнь, которая заключается в усвоении заключенными определенных правил, общей культуры и ожиданий осужденных [12, с. 344]. Таким образом, к характеристике сущности призонизации ученых, помимо прочего, добавил еще и функциональную составляющую – стремление осужденного отвечать ожиданием соответствующего контингента, в поведении и жизнедеятельности в целом которого воссоздается криминальная субкультура. Это достаточно весомое замечание, которое не фигурировало в предыдущих, изложенных выше, точках зрения и которое открывает важную сторону в механизме индивидуального «встраивания» в тюремную жизнь через принятие осужденным на себя соответствующей специфической социальной роли, учитывая ряд исходных параметров: возраст, образование, род деятельности, характер совершенного преступления и преступной карьеры, сексуальной ориентации, отдельных фактов из биографии и т. п.

Вместе с тем, нельзя не обратить внимания на то обстоятельство, что и

И. В. Цемка, и Д. Клеммер, и К. Бартол по существу возводят призонизацию к особому процессу социализации, во время которого лицо через взаимодействие с элементами криминальной субкультуры приобретает соответствующие отрицательные черты, установки. Такое виденье проблемы является достаточно взвешенным, однако также не в полной мере отражает её глубину в аспекте учитывания всех источников призонизации, а также форм проявления последней. В частности, за пределами представленного выше определения остается негативное действие тюремной субкультуры на население, которое не вовлечено в орбиту пенитенциарных отношений. Кроме того, несколько необоснованным, по нашему мнению, является ограничение призонизации исключительно действием на личность элементов криминальной субкультуры. Очевидно, на процесс «отюремлевания» действует целый комплекс факторов – от психологических эффектов изоляции, скученности, насилия (как со стороны осужденных, так и со стороны администрации учреждений исполнения наказаний) к встраиванию лица в структуру, принятие ролей и т. п.

В определенной мере компенсирует отмеченные недостатки перечисленных выше определений призонизации позиция Т. Морриса, который рассматривает её как длительности и систематическое разрушение личности в результате приобретения опыта заключения, связанного с ним усвоения новой системы взглядов и принципов поведения, которые не только не подходят для жизни за пределами тюрьмы, но и делают часто такую жизнь невозможной для лиц, которые пытаются выступать в любой нормальной социальной роли [13, с. 34]. Таким образом, Т. Моррис, определяя призонизацию, не ограничивается характеристикой влияния на лицо во время заключения исключительно элементов криминальной субкультуры, но и указывает на более широкий спектр факторов, которые охватывают также и специфику социального пространства, режимных особенностей и т. п. Эта позиция кажется нам более обоснованной, ведь опыт заключения (особенно первый) насыщен многими психологическими стрессорами, ис-

точники которых выходят за пределы устоявшихся субкультурных нормативов. Процесс соединен и с состояниями диссонанса внутренних устремлений и внешних ограничений, и с состояниями фрустрации, депривации, и с особенностями стимуляции агрессии провоцирующими факторами обстановки и другими личностно адаптивными, а иногда и деструктивными событиями, механизмами, обстоятельствами.

В целом же восприятие призонизации как процесса адаптации осужденного лица под воздействием тех или иных доминирующих факторов к условиям заключения поддерживается большинством ученых и особо острых противоречий не вызывает. Вместе с тем, такое виденье призонизации не в полной мере отвечает криминологически значимому и диалектически обоснованному соотношению категорий при исследовании проблем детерминации отдельного преступления с одной стороны и преступности – с другой. Констатация массового, институционального характера последней и, вместе с тем, такого же массового распространения призонизационных эффектов как среди осужденных, так и в среде лиц, не имеющих отношения к криминальным практикам, диктует необходимость посредством абстрагирования осуществить соответствующую концептуализацию знания об исследуемом явлении и возвести его до уровня социального феномена.

В соответствии с этим возможно, по нашему мнению, предложить два формата виденья призонизации: как психологического явления, которое происходит на индивидуальном уровне (узкое понимание), и как социального феномена, который имеет массовый характер воспроизведения (широкое понимание).

В узком понимании призонизация является процессом и результатом социально-психологической адаптации лица, отбывающего наказание в виде лишения свободы к комплексу организационно-управленческих, бытовых, психологических условий, которые имеют место в исправительной колонии и который имеет своим следствием формирование устойчивых отрицательных морально-психологических черт личности в связи с действием на него ограничений, обусловленных

режимом и самим содержанием наказания, насилия (физического, психического, психологического, сексуального) со стороны других осужденных и администрации колонии, а также элементов криминальной субкультуры. В широком понимании призонизация может быть представлена как массовый, институциональный социальный феномен, который выражается в распространении адаптивных пенитенциарных и постпенитенциарных криминогенных и криминальных социальных практик в среде осужденных к лишению свободы, заключённых, а также в массовой культуре населения, предопределенный воспроизводством на уровне коллективного сознания и деятельности элементов криминальной субкультуры и типичных психологических последствий режимных ограничений, тягот пребывания в условиях изоляции.

Выводы. Таким образом, данная научная разведка выявила ряд особенностей призонизации, что не позволяет сводить её к упрощённому пониманию. Указанный выше узкий подход отражает процесс и результат формирования вторичных криминогенных качеств осужденного и, соответственно, более пригоден для исследования механизма становления личности преступника, его криминальной профессионализации и индивидуального преступного поведения. В то же время, широкое виденье сущности призонизации обеспечивает синхронизацию дискурсивной основы отечественной системы криминологических знаний и способствует формированию адекватного смыслового значения предмета этого исследования в контексте его соотношения с пониманием природы преступности как разновидности массовых институциональных социальных практик.

Список использованной литературы:

1. Гогель С. К. Роль общества в деле борьбы с преступностью / С. К. Гогель. – СПб. : Общественная польза, 1906. – 283 с.
2. Тимошев Н. С. Условное осуждение / Н. С. Тимошев. – С.-Петербург : Петербургский ун-т, 1914. – 554 с.
3. Гернет М. Н. В тюрьме. Очерк тюремной психологии. – 2-е изд. / М.

Н. Гернет. – М. : Книгоиздательство «Право и жизнь», 1925. – 264 с.

4. Mathisen T. The Politics of Abolition : Essays in Political action Theory / T. Mathisen // Scandinavian Studies in Criminology, Volume 4. – Oslo : Universitetsforlaget, 1974. – 124 p.

5. Черкасов С. В. Криминологическая концепция альтернативных мер наказания : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / С. В. Черкасов / Одесская национальная юридическая академия. – Одесса, 2005. – 225 с.

6. Демкив О. Б. Призонизация сознания молодёжи как девиантологический фактор // О. Б. Демкив, М. З. Фёдорович // Вестник Львовского университета. Серия социологическая. – 2012. – Вып. 6. – С. 153-163.

7. Панасюк Б. М. Проблемы реабилитации осуждённых : западный опыт / Б. М. Панасюк // Проблемы пенитенциарной теории и практики. – 2001. – № 6. – С. 144-157.

8. Дрёмин В. Н. Преступность как социальная практика: институциональная теория криминализации общества : монография / В. Н. Дрёмин. – Одесса : Юридична література, 2009. – 614 с.

9. Гишинский Я. И. Призонизация по-русски / Я. И. Гишинский // Отечественные записки : Правосудие в России. – 2003. – № 2. – С. 434-441.

10. Цемка И. В. Призонизация (институционализация) заключённых за рубежом / И. В. Цемка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://determiner.ru/dictionary/993/word/prizonizacija-institucionalizacija-osuzhdenykh-za-rubezhom>.

11. Clemmer D. The Prison Community / D. Clemmer. – Boston : The Christopher Publishing House, 1940. – 341 p.

12. Бартол К. Психология криминального поведения / К. Бартол. – М. : «Прайм-Еврознак», 2004. – 353 с.

13. Morris T. Pentonville : A Sociological Study of an English Prison / T. Morris, P. Morris. – London : Routledge, 1963. – 398 p.